

Фото: © Alexey Yatshenkov / Wikimedia

Галина Вишневская

ВОСПОМИНАНИЯ О ГАСТРОЛЯХ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

СЛУЧАЙ В ВЕНСКОЙ ОПЕРЕ

Я БЫЛА В ВЕНЕ С «ТОСКОЙ», И СО МНОЙ ПРОИЗОШЛА СОВЕРШЕННО ЖУТКАЯ ИСТОРИЯ – ЧУДО, ЧТО Я ВООБЩЕ ОСТАЛАСЬ ЖИВА...

В спектакле пели тогда великолепные певцы: **Пласидо Доминго** – *Кавардосси* и **Паскалис** – *Скарпия*. Во втором акте, в кабинете Скарпия, на письменном столе и еще в двух-трех местах стояли огромные канделябры с зажженными свечами, такими большими, что их колеблющееся пламя было видно с галерки. У нас в *Большом театре* запрещен живой огонь на сцене, даже папиросу по ходу

▼ Венская опера

Фото: © Wiener Staatsoper / Michael Pöhl

действия по-настоящему не дадут закурить – нельзя зажигать спички. Естественно, нет необходимости обрабатывать костюмы и парики противопожарным раствором, как это делают на Западе во всех театрах.

Я, конечно, ничего об этом не знала, так же как и администрация *Венской оперы*, разрешившая мне выйти в моих костюмах и париках, предварительно не обработанных против огня. Я, как всегда в этой своей мизансцене, стояла у стола, совсем упустив из виду, что за моей спиной пылают свечи. Когда же Скарпия бросился ко мне и я вонзила нож, с силой оттолкнув потом его от себя, я всем телом откинулась назад, и мой большой нейлоновый (!) шиньон притянуло к огню. В ажиотаже этой безумной по драматическому напряжению сцене я бегала с ножом в поднятой руке вокруг корчившегося в «предсмертных судорогах» Паскалиса, не зная, что произошло только что за моей спиной...

Как вдруг мой слух пронзил женский визг (первой закричала сидевшая в зале моя австрийская подруга *Люба Кормут*). В ту же секунду я услышала над своей головой треск, будто зашипела ракета фейерверка. Я почувствовала, как весь мой огромный шиньон поднялся вверх. В глазах замелькал ослепительный свет, и сквозь него я увидела вскочившего на ноги «убитого» мною Скарпия... С криком «*Фойер, фойер!*» он ринулся ко мне и, схватив за руки, повалил меня на пол. Как молния, мелькнула мысль: горит платье!.. Инстинктивно ухватившись за ковер, я пыталась зарыться в него лицом... Моих рук коснулось пламя... горят волосы. Схватив горящий шиньон обеими руками, я что есть силы стала рвать его и, наконец, выдрала вместе с собственными волосами. Вскочив на ноги, я увидела бегущих ко мне из-за кулис людей... Почему не слышно музыки?... ведь я не закончи-

ла акт... почему меня уведят со сцены?..

Потом в газетах писали, что, убив Скарпия, я бегала вокруг него и вдруг на глазах у публики мой длинный шиньон взвился вверх, а я остановилась в центре сцены, как горящий факел. Когда вскочивший Паскалис бросил меня на пол, дали занавес. В публике паника, крики – думали, что я сгорела. Видя, что я стою на ногах, директор выбежал перед занавесом и объявил, что, кажется, нет серьезных ожогов. Меня же заботила только одна мысль, что нужно срочно надеть новый шиньон и продолжить спектакль.

– Скорее принесите другой шиньон – слишком большая пауза!..

Директор театра смотрел на меня как на кретинку.

– Вы что, собираетесь петь?

– Конечно... скорее принесите шиньон!

Я не замечала, что врач бинтовал мне руки, что у меня сгорели ногти на обеих руках. Для меня во время исполнения роли все, что я делаю на сцене, так важно, как вопрос жизни и смерти. Если бы мне отрезали голову, только тогда я не смогла бы допеть спектакль.

После десятиминутной паузы я снова стояла у стола, сзади меня горели те же самые канделябры, вступил оркестр, пошел занавес. Что творилось в публике – описать невозможно. Я могла не петь, так они кричали. Я второй раз убила Скарпия, и мы продолжили спектакль, а в третьем акте **Доминго** пел «*O dolci mani*» и плакал настоящими слезами, держа мои забинтованные руки. Я была в каком-то ошалелом, счастливом состоянии.

После спектакля мы с Любой пошли в ресторан, хорошо поужинали, выпили вина, затем я вернулась в отель и крепко уснула. Конечно, я получила нервный шок, что и не дало мне осознать всего ужаса случившегося.

Проснувшись утром, я заказала кофе, сняла повязки с рук. Увидев пузыри на них и почерневшие обгорелые ногти, я только тогда ясно, отчетливо поняла, что случилось со мной накануне, и у меня онемели ноги, и все поплыло перед глазами. Да ведь я же буквально чуть не сгорела на глазах публики! Спасло меня то, что на мне было не нейлоновое платье, иначе я лежала бы сейчас в больнице изуродованная, с обожженным телом...

Зазвонил телефон.

– Я слушаю.

– Это кто? – знакомый женский голос, говорит по-русски.

– Это я...

– Кто Вы?

По голосу вроде похоже, что говорит секретарь директора Большого театра.

– С Вами говорит Вишневская.

– Галина Павловна, дорогая, это Вы? Живы? Что случилось?

– Нина Георгиевна, почему Вы звоните?

– Ах, сегодня по *Би-Би-Си* кто-то слышал и не понял – то ли горела Вишневская, то ли сгорела; сейчас позвонили нам в театр. Я боялась Вам звонить, даже не поверила своим ушам, что слышу Вас.

Я рассказала ей обо всем случившемся и попросила позвонить домой Славе (*супругу Мстиславу Ростроповичу. – Прим. ред.*), пока до него не дошли слухи.

И начались звонки: из Лондона, Парижа, Америки – знако-

мые, друзья и даже неизвестные мне люди – все спрашивали, не нужно ли чего, выражали радость, что я жива, что они слышат мой голос. Все радиостанции и мировая пресса сообщили об этом кошмарном происшествии. И только из советского посольства не позвонил никто. Для них всех без исключения я уже была отверженная. Меня это даже не обидело, но стало противно до омерзения. Что же это за люди такие, мои соотечественники? Я понимаю, что можно бояться позвонить из дома. Но неужели никто из всей огромной советской колонии, заполонившей Вену, не мог выйти на улицу и из автомата, анонимно, спросить женщину, артистку о самочувствии после пережитого ужаса, сказать простые слова на нашем общем русском языке!? Объяснить это страхом нельзя. Так что же это за чувство пришло на смену прославленной в литературе широте и доброте русской души?..

По воспоминаниям
Галины Вишневской

▼ Мстислав Ростропович
и Галина Вишневская, 1965

Фотос: © World Telegram & Sun photo by Stanley Wolfson / Wikimedia